

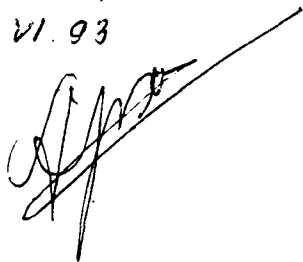
• БАЛЕРИЙ АРХИПОВ •

Съёмка рапидом

Вологодской областной библиотеке
им. Бабушкина
с уважением от автора

18 VI. 93

A handwritten signature in black ink, consisting of several stylized, overlapping letters and a long diagonal stroke extending from the top right towards the center.

Литературный клуб подшипникового завода «Ступени» представляет читателю имя нового поэта - Валерий Архипов.

Валерий Дмитриевич Архипов родился в 1951 году в г. Чойбалсане в Монголии. В 1970 году закончил техническое училище. В настоящее время работает киномехаником, живёт в Вологде. Стихи начал писать ещё в школьном возрасте.

Архипов - мастер «импрешн», для него главное - поразить впечатлением, погрузить собеседника в парадоксальный мир кино. Этот мир многословный, его ассоциации и ретроспекции так же сильны, как реальные события и лица. Архиповский стиль - перехлест чувств, и поэтому речь его порой кажется сбивчивой, резкой. Возможно, он авангардист, ибо его поэтические видения содержат шокирующие элементы. При этом поэт осатётся тонким лириком, находит щемяще нежные слова.

Обсуждение поэтических опытов Валерия Архипова в литературном клубе «Ступени» вызвало много споров, породило и восхищённые, и негодующие точки зрения. Читателю придётся делать выводы самому.

Галина Щекина.

Стонет осень

Провожая я тебя, провожаю.
Гул вокзальный прямо ломит мне уши.
Отпускаю я тебя отпускаю.
Там под кожей шуршат наши души.
Захлебнусь в последний миг лютой болью.
Станет этот добрый лик мне ужасен.
Подойди же ты хоть раз к изголовью,
станет день тогда, наверное, осен.
Или просто по весне стонет осень,
взяли пьяные его да срубили,
А хотел пожить, наверное, князем,
не любили ведь его, не любили!
Вспомни, милая, свой класс и свой праздник,
в белом платье, в белом вальсе порхала.
И любил тебя один однокласник,
ну, а ты тогда со мной убежала.
Словно режем по стеклу и не больно,
словно бьем и ничего не боимся.
Жизнь - как минное в крови поле,
наступил на проводок - провалился.
Обниму тебя, как ангел, крылами.
Зря усмешку не бросай, губы спортишь.
Однокласник твой замерз под часами,
только ты его теперь не веротишь.

* * *

Ты в моей комнате. Чья же ты, чья?
Босиком по комнате, как по травке.
А потом во дворике судачили бабки -
Что ж это за краля? Чья она, чья?
В комнате моей тесно.

Стол.

Диван.

Кресло.

Ты в моей комнате.

Но чья же ты, чья?

Думал, будешь моей невестой.

Но ты пришла быстро и быстро ушла.

А запах французских со мной остался.

На столе расческа тоже твоя.

У бабушек во дворике спор продолжался -

Кто же она такая?

Чья она, чья?

Лунные собаки

Ночью уснут даже те одинокие в белом.
Их дуновенья боимся, дрожим, не хотим.
Призраки ночи, собаки бездомные с гневом
смотрят на небо: А мы почему не летим?
Там и просторно и воздуха много без гари,
падали нету, лишь свечкою смотрит луна.
Здесь, на земле мы не мало всего повидали,
больше плохого, но наша ли в этом вина.
Лайка по небу летала откормленной сукой.
Номер не вышел, осталась на век зимовать.
Был бы хозяин и мы б его добрую руку
молча лизали, хвостами бы стали вилять.
Вот обворованный сад вдруг заплачет устало.
Ветви-ревматики телом повержены ниц.
Кончится лето и детские жалобы: Мама!
Слижут собаки, как крылья раздавленных птиц.
Бедные псы, вы сегодня почти не одеты.
Ночь коротка ли? А есть у вас на ночь постель?
Девочка в туфлях малиновых, нежная, где ты!
В детстве осталась. Я нес ей из школы портфель.

* * *

Закатилась и моя душа в колодец.
Голос стал и тоненький и ломкий.
Из-за опостылевшей мне телки
Стал я для себя седой уродец.
Добрая, лобастая корова
Языком с кустов слизала пену.
Я иду усталый, отупелый,
Но уже ко всякому готовый.
Знаю я, что накричит синица
О любви, о злой тоске, о муке.
Ведь не бред, не сон же эта жрица.
Вижу в кольцах чувственные руки.
Прелести воинственной русалки
Что-то мне расскажут в упоеньи.
И придет лесное вдохновенье
В чуть позеленевшем полушалке.

* * *

Останови растление ума,
что бы тебе судьба в пальтишке красном
ни говорила,
притворись несчастной,
сдави виски, восторг огони с чела.
Пусть музыкой войдут мои шаги,
перетерпи нахлынувшую радость.
Представь, что по ступенькам сапоги,
что похоронка или даже старость,
но только улыбаться не могли.
Но вот, когда развернется земля
и сад умрет, где был тобой любим я,
где ты была прекрасна как заря,
но вот, как лишай, концлагеря,
ползут по волосам твоим красивым,
ты улыбайся,

улыбаюсь я.

Бегу в полубреду через овраги,
полумизбитый, дыбом голова.
Как быстро распадаются слова
о сладкой боли, о больной отваге.
Скажи мне: "Милый!..",
спой мне, ради бога,
затей пирушку и захохочи
так, чтоб содрогнулись палачи.
Одень свои прекрасные одежды,
картошки смуглой в чугулке неси,
но веселись, прому же,

веселись,

кричи над воделенною землею,
что я с тобой,

я опять с тобой,
прому тебя, как можешь, веселись,
а я тебя тихонько успокою.

Поздняя осень

Ты сказала - я вышел на круг,
на таинственный,
долгий,
небесный.

Ну а волосы рвутся из рук,
в неизвестность плывут,
в неизвестность.

А я может быть неба пастух.
Вот созвездие Льва впереди.
Но костер нашей славы потух,
не успеет разгореться. Дожди.
Я в объятьях твоих не сгорел.
Не поставить на вечную карту.
Гвозди в руки и вечный предел.
Беспредел,

как любовь к Бонапарту.

Бьет в висок мне пружинящий нерв,
как тревога, которой и нету.
Подними до молитвенных сфер
слабый дух мой, он просит ответа
на насущий вопрос бытия,
где желанную мысль не находишь.
Голос мудрости - злая змея
говорит, что ты снова уходишь
под нестыдный напев: тра-ля-ля...
Но вдруг дернешься,
вспыхнешь,
мелькнешь.

Стисну губы до боли, до крика
пусть исчезнет кристальная ложь
ты придешь в кандалах, но придешь
поздней осенью

девочкой дикой.

О любви

Самурайская моя нежность.
Как припадочный, убегаю.
От любви я бегу, от детства.
От тебя бежать не желаю.
Пожалей
И к земле приинкни.
Расстреляли,
А ты живая.
Как зовут тебя, я не знаю?
Эвридика?!
Прощай, родная.
Если б знал,
Помел в полицаи.
Всех по пунктику -
Раз,
Два,
Три,
А тебе бы сказал - живи!
Профиль
Тоненький перышком... чирк.
Так красива, что не узнали.
А когда к нам приехал цирк,
Танцевала ты,
Танцевала.
Зазывала, косою горбун,
Он тебя тиранил и бил,
Но наверное все же любил?!
Ты под куполом шла и шла.
Под тобой песок - могила.
Он кричит: Но... пошла, пошла!
Как игрушечная кобыла.
Ты единственная меня не забыла!
Я прошу тебя, чтоб не падала,
Чтобы сколько могла, жила.

Эвридиковой в еврейском гетто
И под куполом для зевак.
Пусть хранит тебя добрый знак
В это выстраданное лето.
Отвечай мне дождем печальным -
Так кого-то мы развенчали.
Повенчаемся ли опять?!
Эвридика - губы из кружев,
Не обнять тебя, не обнять.
На запястьях твоих полоски.
Вены резала?
Или в доски
Руки маленькие твои
Заколачивали гвоздями
Недоноски!
Пастор молится, сжав ладошки.
Неужели не сберегу?!
Я спасу - подожди немножко,
Задержишься на своем кругу.
В страшном сне я с вокзала выйду.
Чей-то шепот: уже обмыли?!..
.. И собаками во дворе
Девки уличные завяли.
Церковь в праздничном изваяньи.
Душу в мусоре изваляли...
Ну, а в общем-то мы от Бога,
В палестинской желтой пыли.
Если можешь, то не грусти.
Плечи сумрачные твои
Растоптали,
Как павшим вечер.
Вот опять роковая встреча,
Красный крест на твоей груди...
Я твои ладошки сжимаю.
Ты, пожалуйста, не умри,
Оставайся в моей крови
Эвридиковой во рву еврейском
Иль под куполом - "Все для вас".
После серии отпеваний.
Я по небу звездочку пас.

Эсмеральда пречистой гавани

Как люблю твои очи матовые,
Как хотелось тебя обманывать,
Все шептать о своей нелюбви
И смотреть, как ты хмуришь брови.

Где же ты живешь, обитаешь?
Профиль врезался орбитально.
Я молчу, я руки касаюсь.
Ослепительная касатка,
Ты меня на совсем бросаешь,
Пиджачок мой шальной снимаешь.
Где другую такую взять?
Руки клинышком, как у чайки.
Ты моя родовая знать.

Эсмеральда пречистой гавани
Изначальна.

Чу, затишье.

Селена светит.

Где же ты, выпивоха-ветер,
Поднимающий все на свете,
Ты отчаянный потаскун: руки-плети,
Грехи замаливай.

Видишь, где-то сияет марево.
На рассвете я сплю, прости,
Дорогая моя невенчанная.
Ты прости, что тебя оставил,
Не увел, а вот так оставил,
Просто так

В белокрытой спальне.

Эсмеральда пречистой гавани
Вся как в тайне.

Я любил твои очи матовые.

Пусть не бранится твоя матушка.

Я себя рассек аж до крови.

А по небу черкнула радуга.

Небу больно и сердцу больно

Ах, любви твоей довольно.

Спи спокойно.

Эсмеральда пречистой гавани

Спи спокойно.

* * *

Нету больше черных дней.

Только белые.

То недели пролетели,

словно пули.

Что же только я с тобой не делаю,

Карты брали,

а цыгане обманули.

И теперь в экстазе мир любовь купает-

Шепот, руки, разговоры, поцелуи.

А моя хорошая меня не понимает,

Не желает, не клянется, не ревнует.

Мне смешно, что я с таким

слишком добрый.

Мне бы взять да и уехать на край света.

И умчит меня курьерский скорый,

Без судьбы умчит и без билета.

И вторить мне будут кедры, веселясь,

Ну, подумашь, беда, как мелодрама.

Будешь ты у нас таежный князь,

А потом отыщется и дама.

Разве только от тоски на Север рвутся?

Разве только от беды бегут куда-то?

Нет, недаром с Севером сольются

Наши души - верные солдаты.

Дни - как пальцы

рук любимых, женских, тонких.

Их не перечесть в тумане белом,

В поцелуе трепетной девчонки

И в прикосновении несмелом.

Вы смелей любите,

дни строги,

А любовь не остается ждать у моря.

Крокричат под утро петухи,

С нашей правдой и собою споря.

* * *

Мы встретились на кладбище любви
где Маяковский встретился с печалью
зовущейся так коротко - Аили,
а дальше камень, сумрак и молчанье.
Мы встретились на краешке земли.
Бродили молча, не в руке рука,
а просто так как будто лет на двести
раскинулась дорога как река,
а там в конце ступени в поднебесье.
А там уже тот беспощадный рай,
но дверь туда, она закрыта прочно
хоть песни пой и хоть стихи читай
не вышел час, не велено, не срочно.
Еще наверное не пропел петух.
Ты мне последних строф не прочитала
моя погибель, ты одна из двух:
одна ждала, другая уплывала.
Одна ждала на кухонке в углу
подняв халатик старым табуретом
и вся боялась - вдруг и впрямь помру,
а впереди безжалостное лето.
Мы встретились на кладбище любви
где есть свои законы и приметы
и ты, другая, скажешь "позови!",
А я другой не дам тебе ответа.

* * *

Читали книгу Бытия,
Брели в болоте лжи,
ты говорила - я твоя.
Люби меня, кружи.
Читали книгу как в сапой
меж нами все ножи,
Но вдруг шепнула: снова мой!
возьми меня, дрожи...
Дрожи, ведь холоден огонь
в обмане тайных встреч,
но только душу мне не тронь
ее хочу сберечь.
Но как же так? ведь ты моя
клялась на белый свет.
Поверил глупый! Соловья
не держат в клетке, нет...

Детский альбом

Проходило рождество,
мимо нас оно прошло.
Помслиться не могли,
в коридоре сапоги.
Словно кожаный палач,
за стеною детский плач.
Со стены родной Ильич
смотрит словно старый сын.
На продавленный диван
сел сосед Петров Иван
и сказал: читай стихи!
Ну, а сам поел ухи,
подремал, прогнал кота.
Кот - вселенский сирота,
прошпиел и был таков.
Средь февральских холодов
вдруг услышала страна,
что она давно больна.
Паралич схватил ее
незаметно как ворье.
Ты господь ее спаси,
беспримутно на Руси.

* * *

Не случайна минута,
Когда будешь доброй и слабой,
К своему королю

ты отыщешь

тропинку у гроба.

И предстанешь
Такой же,

как все,

Захлебнувшейся в сумраке
бабой.

И в последней прощании
В профиль вы стиснуты
оба.

Вереницей судеб

Колонны,

Колонны,

Колонны,

Эшафотова смерть,

Видно все-таки ты виновата.

Я приду пьяным бардом

По счету уже миллиардный.

И что скажет мне червь

Перебитый

садовой лопатой.

Ну, а он рассказал бы,

Оборванный, нищий,

он знает:

Не минует и нас

Пресловутая эта забота.

Горсть земли

напоследок

Вам в душу летит, согревает.

Ну, а дальше - покой,

Он для мертвых все та же работа.

Шанель номер пять

Не надо спешить, обличать или лгать
не надо бояться иудиных вздохов
и чью-то безмолвно кричащую мать
не надо на голом пероне пугать
не надо стрелять по крутым скоморохам.
Ведь каждому здесь не избежать суда
какая поможет тогда заграница?
Девушка-раешница скажет мне "да".
В мозгу три извилины сходят с ума,
а в мыслях и в сердце живут небылицы.
И злая истома и мрачность питья
бедовая шлюха устанет ругаться
шанель номер пять - мое звонкое я
моя чернобурой лисою судьба
кого-то любить и кого-то бояться.
И биться с судьбою один на один
стремиться к тому, чтобы не сбылось, не спелось
и плакать хотелось среди темных гардин
и слушать забытый совсем клавесин
вдыхать гомон и осеннюю предлость.
Шанель номер пять я тебе подарил
ресницами жгучая вышла босая,
а что я еще там тебе сотворил
из крови и пепла, из ада и рая
моя дорогая тебя я любил
кристаллиной чистой тебя обронил
по шарикку бусы в траве собирая.

Жизнь

Хроном уточкой оттаивает жизнь.
молись поспешно, фюрер бесноватый,
и кажется, что стукнула лопата
по прошлым плечам, через вопли тризн.
Не отводи недетское лицо,
в губах застыла тонкая улыбка.
Все рушится все тленно так и зыбко.
Вертись, катись земное колесо.
А может быть приду сюда чужим
и женщина не напойт с порога,
ребенок не покажется своим,
и тяжким сном окажется дорога,
и тот, кому не подал я на чай,
мне в спину смерть напустит невзначай.
Приди ко мне, святая недотрога,
с тобой хочу я путь свой скоротать.
А разве ты не будущая мать
с застывшим пеллом на тугих ресницах?
Мне показалось, у прохожих в лицах
какая-то ступила благодать.
Пойду в хибару черную мою,
где можно потихоньку помолиться.
Но чу... Ты на пороге в рукавицах
разодранных
мне говоришь: Люблю!
И я прервусь и молча подойду,
тебя по волосам льняным поглажу,
с собой уже, наверное, не слажу;
не оттогну, а просто припаду
к вискам ручным,
к глазам ее бедовым,
себя храни за свой анахронизм,
за все, за то, что стало ясным, новым,
хромою уточкой оттаивает жизнь.

Память

Мой памятник разрушился
от материнских слез.
Легка твоя безжалостная память,
ты в сад придешь, где тысяча
доверчевых берез,
где сапогами топчут нежный гравий,
где пляшут на несбывшейся мечте,
где звездочка сгорает без причины,
где мальчики тоскуют по войне,
а девочки тоскуют по мужчине.
И где во все пылает горький год,
где под расстрел толкают скомороха.
Березовый мой край - запретный плод-
мой выдуманный мир, в котором плохо-
мой в который раз не прокречит петух,
ему срубили голову шальную.
Так буйный дух, поэта дерзкий дух
спешат унижить, мнут его, блефуют.
Но глас его нельзя остановить...
Налево немец пленный из под Курска,
направо недостреленный еврей
с подушкой облезлой, рядом куртка,
и этому, и тем желанье - пить!!!
И те, и эти вдосталь насладились,
и те, и эти брали, брали, брали,
и жить хотели и еще любить.
А курица хоронит петуха,
не ждет пощады, попросту боится,
Как на экране, за спиной лица
в тревоге и бессилии греха.
А разве грешен маленький Исайя?
Тяжелым гудом тронулся курок.
На мушке, рубашенкою сверкая,
беги, ребенок теплый, со всех ног.

Оставь надежду,
позовет всевышний,
но только ты березы не ломай,
пирожное отдай старухи нищей,
безбрежный воздух тишины глотай.
Там пляшут на несбывшейся мечте,
там звездочка сторает без причины.
До срока поседевшие мужчины,
как дети, заревут по красоте.
По той единой, образной, святой.
В чем красота?
В чем истина простая?
В борении небес, покрытых иглой?
Иль в утвержденьи падшей:
я святая?!

Живи и будь! Гордись, не покорясь!
Простых утех не отвергай греховных,
живи и помни - можно низко пасть,
но надо встать и быть среди свободных
свободных духом -
в этом сила, власть,
о, человек, любимец первородный,
ты, над природой дикой вознесясь,
будь властелином, отче благородный.
И не прервется тоненькая связь,
веками установленная богом.
Не дай вам боже, чтоб прервалась связь.

Позови

Пепел гостя моего
застучал пребольно в сердце.
Потайнчу эту дверцу

я нашел давным-давно.

Но не стоит рисковать,
жизнь не терпит опечаток,
Дом-Солдатская кровать.
За столом седая мать.
Танков скрежет по брусчатке.
Остальное - пыль и грязь.
Снежный ком куда-то мимо.
Церковь-Тоненькая связь.
Птиц весенних непролазь.
Запах Родины любимой.
И в кладбищенской тиши
раздаются перезвоны.
Облаков твои узоры.
Похоронку напиши,
что погибла в одночасье.
Ты -

одно мое несчастье,
запах тлена и любви.
Как в космической пыли,
трубный гул вселенной страсти.
Если хочешь,

позови!..

* * *

Не гадай, кукушка,
                                годы ветеранам.
Честный вор, веселый,
                                не шманай карманы.
Нищими мы были —
                                нищими остались,
Раньше горевали,
                                а потом смеялись.
Дай собраться с духом,
                                наш отец небесный.
Раньше были вдовы.
А теперь — невесты.

И площадь бурлила

Свобода бессильна, когда умирает закат
в глазах у любимых.
Какие нужны нам квартиры?
Остаться с тобой один на один, наугад,
не в шумном пиру, а среди тихого, ясного мира.
Закройте, пожалуйста, двери! Закрыли...
Заплакали девки в парадном
надсадно,
Как будто кого-то в толпище убили
на площади, устланной лепестками,
у барда
какую-то песнь оскопили.
И СПИДОМ объятый,
стоит Прокуратор,
а тот Прокуратор историей болен,
он смотрит в толпу,
что вся из героев.
Вот Юрий Гагарин по-прежнему строен.
По-прежнему строи
шагает команда по морю.
.. О, это людское завидное море...
Кто сон твой спасет и его разгадает
под музыку вальса, а вальс тот стихает,
а вальс напоен глухарей голосами.
И площадь бурлила...
А милую сжало веслом пропаганды.
Над Спасскою площадью били куранты.
Зловещие губы -
кого ты любила?
В коротеньком платьице цвета Монмартра.
Седые невесты цветами пугают.
Где князь ваш обманной?! -
Стоит под часами?!
А руки?
Они вас уже не ласкают?!

Помоги

Выжатый лимон
сердца моего
вторит в унисон
скрипке из окна.
Тускло на душе,
тихо и тепло.
К горлу моему
тянется рука.
Шторка на двоих,
маленький урок.
Ночь опять без сна.
Я, как он, возьму
и нажму курок,
я теперь поэт,
мне туда пора!
Почему пора?
Ведь не вышел срок.
За дверями свет.
Помоги, жена,
чаем напои,
стон смахни со лба,
постели постель,
ведь не рассвело.
Упыри глядят
строгие в окно.
Помоги, спаси,
Видишь – голый я,
Видишь – на жаре бросили меня.
Вторит в унисон
скрипке из окна
сердца моего
выжатый лимон.

* * *

Пророчица, вся в черном / сон ли явь /,
гадает на истории страницах.
Мелькают рожи, хари, даже лица.
Но только ты любимую оставь,
ведь ей не пролететь на колеснице.
Вот буйство красок - расцвела сирень,
приходит отрок босый ниоткуда,
и колокола суздальского чудо
зовет на плаху или в новый день.
Я выйду из острога своего,
как эмигрант, войду в твой обитель.
Останься здесь, моей судьбы спаситель,
гадалка знает, больше не соврет.
Уж не за мной ли мчится истребитель
с крестом пурпурным и в оскале рот.
Кричит неуспокоенный народ:
Ату его, проклятого Бориса.
А кажется - за шиворот мне крыса,
спасаясь, забежала на часок.
Нельзя срывать истории листок,
который и не познан, и не прожит.
Давай покурим,
ты присядь, браток.

Обращение к истории

Уж год прошел и снова эта пятница
И роковая в жизни полоса.
Я отдал все за шелковое платье
И за немного серые глаза.
Она такая крашено-кудрявая
И по-собачьи преданно глядит.
Вот так и улыбаюсь, мелко плавая,
А душу что-то ранит и саднит.
А в скопище поэтов и мечтателей,
Где каждый сам себе Аристофан,
Пробьется из среды гробокопателей
Какой-то необмытый арестант.
Читать начну и слезы низко капаят,
Читатели уже приходят в раж.
А критики статейки звонко стряпают,
Что я певец помоек и параш.
В тридцатые я не писал про Сталина,
Стахановцев не взвел на пьедестал.
А я пришел на кладбище печальное,
Знакомые все лица увидал.
Лежали все: герой ты или праведник,
Отказник или просто дуболом.
Уходят в вечность то партийный ставленник,
То клезушник с клеенчатым столом.
А что осталось: в лжи купались книги,
Коней купали, брали в лагеря,
Плелись такие жуткие интриги,
Аэропланы перли за моря.
Росли и мы.
В детсадиловском хоре,
Как в лагере перемещенных лиц,
Наевшиеся той военной боли.
Хотели жить,
А значит падать ниц

При фараоне
Или дураке,
Но только со страной наравне.
В доме напротив плелись интриги.
Диссиденты зашевелились.
Только что минул партийный съезд.
Салют товарищу Сталину
И КПСС!
Опять СС?!!
Опахнуло кровью!
Тысячи трупов на Колыме.
Поэт - галстук с бабочкой,
Все с любовью.
А кто-то баланду хлебает в тюрьме.
А может все сон дурной и нудный?
Давится щами последний Иуда.
Снова поем мы песни хором
Про добровольцев на целине.
Угрозы, допросы, шантаж,
Наговоры!
В харю двинули?
Только не мне!
Не лей помой в сталинский ряд!
Там где герои гражданской сидят.
Все как один они сыты и злы.
Сам Ворошилов сидит впереди.
Сын мой,
Теперь ты не бойся его.
В бронзе он выкован
И ничего.
Много осталось слов про запас.
Старой гвардии кончился срок.
Девочка, я приглашаю на вальс.
В сущности очень я одинок.
Будто военный в шинели битой,
Переступаю знакомый порог,
Там, где звонок

От тоски разбитый.
Руки сомкну - никуда не выбежишь,
Не выходи за черту -
Там гибель.
Пусть он останется Сад Нескушный,
Пусть его позабавит ливень.
Тридцать проклятый,
Семьдесят душный.
Стекла в истории моей выбей.

Студент жевал калач московский,
а где-то сани запрягали
шинельный шелест тускло-жесткий
смешался скорбьи над главами.

Стояла женщина понуро
усталый взгляд уже непряча
и было, стыло, скучно хмуро,
но ни знаменья, ни плача
не чуял век. И исподлобья
читая свежую газету
бранился барин, что не стало
еще какого-то поэта.

Как все неожиданно это было.

Глаза его покрыла мгла.

Россия Пушкина любила,
но все-таки не сберегла.

Студент жевал калач московский
и изо рта летели крошки
он торопился сесть на дрожки
туда, туда где он лежал
увидеть завитые баки.

А где-то лаяли собаки.

Москва скорбила, но жила.

Наташа глаз не отводила
и у нее в глазах застыли
и площадь, и колокола,
и монумент нерукотворный,
и жезл великого Петра.

Студент спешил засесть на дрожки
и всем пиитам на дорожку
готов был чарку поднести,
чтоб помянуть, произнести
последнюю и роковую святую клятву "аллилуйя!"
кричал в неистовстве монах.

И тратуар растворился в снах
его друзей, его любимых,
его врагов, ему постылых.
И вседержателя взял страх
пригрезилось босой ребенок
штыком солдатским был заколот,
а дальше, дальше тишина.
Студент жевал калач московский
и ждал, что вот придет весна.

Январь. Новый Год.

Елка. Старый Дед Мороз
в сталинской фуражке.
Интендант тебя привез
будто бы из сказки.
Не творите чудеса
оборотни злое,
ведь у девочки глаза
слезно-голубые.
Приходите в эту ночь
взрослые и дети,
эта маршальская дочь
сирота на свете.
Нет героев для нее,
сказок нет и были.
Белоснежное белье
постелить забыли.
В полночь кончится вражда,
прозвенят бокалы,
а на елочке звезда
загорится ало.
Зашумит высокий стол,
дрогнет занавеска.
Ну, куда же ты ушел,
маршал Тухачевский,
И пошла игра теней,
словно ниоткуда.
Спит ребенок: сладко ей
и пребудет чудо!
Непридется ей кричать:
семьдесят шестая!
Ведь придет, придет опять
мама молодая.

Белый стриж

Не мучай старух лошадей,
Не трожь залетных птиц.
Как будто знойный летний день
Застыл в твоих глазах.
Виденьем серым в этот зной
Среди чужих теней,
Как мальчик старый, но живой,
Бродил Хэмингуэй.
Нам в окна дождь холодный бил,
Стекал с узорных крыш.
Косую девку полюбил
Веселый белый стриж.
Но ты, детеныш, не ревнуй.
Ведь в этом весь вопрос.
Ты молода, как поцелуй.
Я стар, как верный пес.
И в клетке нашей обжитой
Нам места не найти.
Нам для любви не достает
Огарочка свечи.
Не бойся. Ведьмы злой порыв
Не тронет плоть твою.
Я помолчу, как старый гриф.

В последний раз люблю!

Поленья поздние любви
Сгорят в твоих глазах.
И в душу к нам войдут в крови
Болезнь, дорога, прах.
Нам в окна дождь холодный бил.
Но ты не спи, малыш.
Косую девку полюбил
Веселый белый стриж.

Чапаев скачет

Чапаев Вася, глаза зажиуривая,
думал, что он погибает не зря.
Рядом Урал, от зари прикуривая,
жарил последнего глухаря.
Где комиссары "в пыльных шлемах"?
Проконисарились? Ать, два, левой!
Где же вы красные, что били белых?
Левой, левой...
Кто придумал, что солнце слева?
Спишь, комсомолочка, ноги белы...
Вожешь с Антантой?
Антанта, дай хлеба!
Ленин в Горках с голода пухнет,
просит НЭПа!
Мудрый сказочник, заступник народный,
на фотографии кошку гладит.
Гладит кошку, дедушка сумасбродный.
Сын твой верный тебе не подгадит,
ночью вскочит опять в атаку.
Где девяностый? А он все водит
словно Сусанин, врагов по парку,
будто не знает, что век уходит.
Теша не знает, что будет завтра,
дочка-студентка рвется на запад;
там на западе хлеба вдосталь,
там на западе парни - "в доску".
Девочка, хлеб там не пахнет воском,
хлеба там не - апельсин в полоску,
горсть земляники тебе на завтрак,
мамы там знают, что будет завтра,
боятся Брежнева или Тито,
зато границы уже открыты.
Выбегти в поле красивой ланью,
больно, но все же свобода ближе.

Столб полосатый не в лад с моралью.
Но объятья твои с Парижем
теплые знак, заветы в прошлом,
чтобы тебе там не говорили,
девочкой ростом с цветной горошек
мечешься, хочешь чтоб полюбили.
Вдруг комсомолец винтовкой шаркнет,
будешь кружиться ты в танце вечном,
в небе блестяшем, садистски жарком.
Тучкою станешь - дождик прольется,
солнышком выйдешь - малыш заплачет.
Девочка, сердце птичкой забьется,
девочка, слышишь - Чапаев скачет.

Колыбельная

Спите себе, детки.
Все равно какж.
Падает ведерко из замерших рук.
Доброе и злое
У судьбы лицо.
Пейте на здоровье
красное винцо.
Спите себе детки,
Все равно война.
Убежать бы в поле, да стоит стена.
То ли это бойня,
То ли лазарет,
То ли добрый ангел
Кличет на обед.
Вы не бойтесь.

Розы

Не для вас сорвут.
Вы не бойтесь.

Слезы

Рукавом сотрут.
Вы любите черти
Девочек и вдов
Ведь до самой смерти
Восемь долгих снов.
Спите себе детки...

* * *

Плону я истории в глаза,
покатилась мамкина слеза.
Наступил на череп я и кости,
целый год никто не ходит в гости.
Ты прости за этот дикий бред,
жизнь уйдет

и все-же кто-то скажет:
на Руси был и такой поэт,
подойдет и снимет шапку даже.

* * *

Вот упал он
и жалобно хрустнула
снег под ним
и покрылся кровью.
В тот момент
человек и снег
исказились болью.
Так смертельно был ранен
Пушкин.
Говорят - за версту слышали,
как на этой белой
опушке
звонко выстрелы прозвучали.
А потом под вороний гомон
сани трогались и бежали,
и везли убитого к дому,
ну а там убитых не ждали.
Вот опять белоснежная спальня
или все еще снег холодный?
Нет, вот рядом его Наталья,
а за нею весь свет придворный.

Пошли прочь!

Потушите свечи!

Уберите попа-канальи!

Жить осталось последний вечер...
Как тогда Натали блистала
на балу
в день их первой встречи...
Дай обнять твои гордые плечи,
отойдет скоро ангел в вечность.

Трамвайное одиночество

Отчего ж я, брошенный в трамвае,
маленький и жалкий, и смешной,
парю московскую в угаре
сотворен с истерзанной душой.
Я гляжу на мир и плачу, плачу,
и ручонки тянутся ко всем.
Женщина, красивая, как дача,
где я жил, возьми меня сровсем.
Женщина, как тортик изумрудный,
тронула мой посиневший лоб
и сказала, - это очень трудно
жить, не понимая добрых слов.
Ничего. Я мальчик безутешный,
мне не надо шума и вранья.
Видно я родился в час кромешный,
в час, когда забыли про меня.
Дайте же мне ласки и заботы
вы, священник добрый и седой,
вы, солдат из безымянной роты,
вы, девица с крашенной губой,
вы, старушка дряхлая, как фея,
вы, юнец с пацанкою в дверях.
Я гляжу на вас и молодею,
а ведь я и так из малых птах.
А ведь я - младенец белокурый,
только что оставленный навек,
маленький, застенчивый и юный,
брошенный на землю человек.

С кого спросить

С кого опросить за эту ложь,
за этот стыд, за эти муки,
за то что ты роняла брошь
на коврик вечности-разлуки.
Но только душу не тревожь
хотя твои иззябли руки,
ведь уронила ну и что ж
зато ты долго проживешь
ну а померешь от черной скуки.
С кого спросить за стылый кров,
что не горит огонь в камине,
что мать опять пугает зов
отца погибшего в Берлине.

Избушка

СЦЕНЫ-СТИХИ В ШЕСТИ ГЛАВАХ

1

Жил-был колдун,
одни его боялись,
другие били,
прочие смеялись,
он всем судьбу предсказывал своим
кому-то оставаться на краю,
кому-то по этапу отправляться,
а дурочке - ей целый век смеяться,
остаться старой дево́й, не болеть,
жить-поживать, а попросту смердеть.
Чиновнику одеться в белый саван,
приказчику испить вино с отравой,
почтмейстеру быть битому женой.
Лишь у меня сегодня выходной
и минет меня жесткая расплата,
но вспомнил я, что было тут когда-то
виденье в белом через сто дорог
на месте этом вырос бугорок -
могильный холм.
Потом могила вскрылась,
на божий свет селение явилось,
белели хаты, рдели терема.

Украв коня у пьяного цыгана,
 я поскакал не уменьшая шаг,
 хотелось видеть город безмянный,
 вина попить и поплясать гопак.
 Зашел в избу, что на краю села,
 но скрипнула в передней половица,
 мне чудится все это нам снится
 здесь, будто смерть страдала, но жила!
 Широкий стол и четверо в шинелях,
 пробитый пулей дышит котелок.
 - Мы тридцать лет картошечки не ели -
 - сказал старшой - садись и ты браток.
 А страх вселился не сказать словани,
 я шапку снял и молча им кивнул,
 но вот один с кровавыми губами
 мне ненавистью душу развернул:
 - Я даже не успел сказать "ура!"
 Снарядов нет... А впереди война!
 Слюною брызгал и кричал "под танки!"
 Какой-то не добитый коновал.
 Пропитанные кровию портянки
 я скинул и к лесочку побежал...
 А гул стоял! Дышала дымом осень,
 земля спеклась от наших страшных дел.
 Сержант, весь белый, гладкий и безносый
 на ходики старинные глядел.
 - Среди вас поэт имеется, солдаты? -
 - спросил их я. Блестели автоматы.
 Тревога затаилась не во мне,
 а в дереве, в солдатской кобуре.

- Здесь каждый третий Пушкин поневоле,
чтоб чаще славить воинскую честь,
с горящими глазами сеять несть
и умереть не в лагере, на воле.
Где снег блестит, где пахнет вдохновеньем -
- Все говорил высокий и прямой
среди бойцов, как будто бы чужой,
профессор в бой ушедший с ополченьем -
- Мозги мои опутанные ложью
и ставшие пристанищем червей,
уже не будут вечности сильней -
- сказал и замер, и воскликнул с дрожью
вчерашний школьник, а теперь герой!
- Ах, что вы суки сделали со мной!
Ведь я не долюбил! И разве можно,
меня, со всеми вами здесь равнять.
Меня еще по свету рыщет мать
с глазами зло таящими тревожно!

А я хотел бы убежать домой,
но дома нет, лишь только сны в овраге -
- сказал последний с кожей из бумаги
и обреченно пролитой душой
на угли зла из Дантовского ада.
- Ах, как нас всех страшила канонада!
А девочка кричала мне "не надо!"
Не умирай! Побудь еще стерпи...
Но с медсестричкой нам не по пути.
Свиту разложения и распада
сыграют те, что дышат взаперти:
костями удобряют корни сада,
а что еще там дальше впереди?
- Постой болезненный, погоди не надо.
Дай дух нам всем сейчас перевести -
- за плечи взяв того кто закричал,
сказал старшой и усадил на место,
на черное от всех печалей кресло,
последнего, что дольше всех молчал,
а может быть он истину познал,
сигналы посылая в сад небесный.
Ведь он последний даже не стрелял.

Но кажется, что становлюсь глухой
к чужим обетам боли и признаньям,
то призрак старшины, то призрак знанья,
пожаром полыхали надо мной.

То вдруг молитва: - Господи спаси!

- Живите с миром, мы б еще пожили!

- Меня свои когда-то замочили,

так пить хотел, хоть на отену ползи!

Вот темень, мрак и не видать не сги,

кругом вода сивашная, гнилая,

а медсестра сестричка фронтовая,

ты губы нецелованы не жги!

Глаза б закрыть, как спали на войне

и до конца бы ввек не просыпаться!

Зашейте дырку у меня в спине,

сил нет терпеть. Вы пожалейте братцы!

О как болит!

- А как же там Россия? Стоит еще?

Я отвечал " стоит ".

Как быть и как преодолеть себя,
ведь смерть непа, хоть зубы и стучали,
они не знали - к радости, к печали,
их разбудил кудесник бытия.

Но пробудившись двинулись за мной -

обиды и напасти, страх и зависть,

и жен, и мам невидимая боль,

а что-то так внутри еще осталось,

кому-то смех, кому-то в раны соль.

Ну впредь тебе бездомному наука.
 Ты прикоснулся к смерти, вот ведь штука,
 а мне так захотелось вдруг любви.
 Печальная избушка пахла тленом,
 любить и петь казалось мне изменой.
 Дождусь конца. Оборвалось внутри.
 Хочу на свет. Да только свету нету.
 Есть блики тьмы, а в них, как падаль я
 объятый страхом, отступил окользя
 и в медный таз вступил с водой кровавой.
 Весь в паутине, первый от меня,
 кричал стихи и харкал кровью алой,
 и радовались крови силы зла,
 постичь желая, жизни смысл гуманный.
 Пей кровопийца воду из ушей!
 Иди сюда и сотни упырей
 помогут нам схватить тебя за горло!
 А младшенький с опухшим животом,
 все вниз смотрел воинственно и гордо-
 Наташенька!
 Натаха дрянь такая,
 почти невеста, ягодка лесная,
 на что польстилась, пьяный патефон,
 пустая болтовня и блуд на речке
 ну, а со мною, кроткою овечкой
 прикинулась, не выжать в сердце стон.
 А было б легче или пулю сразу
 к виску, и шипром пахнушая плоть
 через пол-суток стала бы заразой
 смердяшею. Пол-суток и любовь,
 пол-шага и окоп,
 пол-вечности и стон над степью спящей
 и холодов незуитских плен,
 и теплота непознанных колен
 предсмертные стихи непониманья,
 и вечный стон, и вечный долгий бой

меж страхом смерти, мирозерцаньем
и человеком, что пойдёт за мной...
И чей-то взгляд тишайший состраданья
нятушиеся мысли в головах
теряющихся в ауре сознанья.
Не только б не услышали ишейки
и не загнали в обморочный страх,
удел рабов родной узкоколейки.
Ведь жизнь не мусор, что гниет в углу,
а божий дар! Да скоро ли умру?
Ах только бы не слушать,
а просто в иступленьи повторять
"спасите наши проклятые души"!
И с чьих-то плеч спадали стружья зла
в подталый снег, что спал в заветной хате.
- А вы! Что, заскучали по лопате? -
- раздался голос сбоку от меня.
То был колдун смеялся он и плакал
и прославляя мудрость бытия,
он руку подал мне и спас меня
и вскоре все виденье стало мраком.

Содержание

Падаешь медленно, будто в кино.	5
Стонет осень.	6
Ты в моей комнате.	7
Лунные собаки.	8
Закатилась и моя душа.	9
Останови растление ума.	10
Поздняя осень.	11
О любви.	13
Эсмеральда пречистой гавани.	15
Нету больше черных дней.	16
Мы встретились на кладбище любви.	17
Читали книгу Бытия.	18
Детский альбом.	19
Январь.	20
Не случайна минута.	21
Шанель номер пять.	22
Жизнь.	23
Память.	24
Позови.	26
Не гадай кукушка.	27
И площадь бурлила.	28
Покоги.	30
Пророчица вся в черном.	31
Обращение к истории.	32
Студент жевал калач московский.	35
Январь. Новый год.	37
Белый стриж.	38
Чапаев скачет.	39
Колыбельная.	41
Плмнул я истории в глаза.	42
Вот упал он.	43
Трамвайное одиночество.	44
С кого спросить.	45
Избушка. /сцены-стихи в 6 главах/.	46

Художник Л.Стариков

Издательство
" Евстолий "

тираж 2000 экз